

РЕЦЕПТИВНАЯ ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ХОМЯКОВА «КИЕВ»: «СМЫСЛ ОБ УНИИ»

ИННА БУЛКИНА

«Киев» А. С. Хомякова, безусловно, «главный» киевский текст в школьных хрестоматиях второй половины XIX века. Мы попытаемся описать здесь рецептивную историю стихотворения, его многочисленные «трансляции» и «антологические» контексты.

С начала 1860-х «Киев» воспроизводится не менее чем в полутора десятках учебных пособий¹. За ним выстраивается определенная городская традиция, к его интонациям и к его риторике отсылают более поздние тексты; эта хореическая здравица, в буквальном смысле, задает тон в первой киевской антологии 1878 г. (см.: [Пономарев]). Именно о «слабом стихотворении Хомякова» в первую очередь вспоминает Г. П. Федотов, говоря о редких упоминаниях Киева в «новой русской литературе» [Федотов]. Первые строфы хомяковского стихотворения со второй половины XIX века часто использовались в качестве эпиграфа в традиционных киевских путеводителях («Киев, его святыни и достопримечательности»). Характерно, что с недавних пор — с возобновлением популярного жанра «паломнических путеводителей» — хомяковские эпиграфы возвратились².

Вероятно, стихотворение Хомякова транслировалось в городском фольклоре, зачин его служил основой для пародических куплетов. По крайней мере, об этом свидетельствует сохранившаяся эпиграмматическая строфа,

¹ Впервые в 1860 г. в «Русской хрестоматии для употребления в училищах прибалтийских губерний» (см.: [Шафранов]) в усеченной редакции «Москвитянина», затем — после выхода посмертного сборника с полной версией текста (1861) и вплоть до 1909 года — встречается в разного типа хрестоматиях до полутора десятка раз.

² Ср., напр., киевские «заставки» на сайтах туроператоров: soglasie.lastud.ru/kiev/, selenukr.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=285&Itemid=852, www.tour-tut.by/index.php/turypo-gorodam/13-kiev и т. д.

сочиненная в связи с финансовым скандалом вокруг Киевского городского общества взаимного кредита (1882):

Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Где украл кассир Свиридов
Триста тысяч серебром³.

Стремительная канонизация хомяковского «Киева» была обусловлена самой историей его создания и публикации. Стихотворение было написано по заказу М. А. Максимовича для первого киевского журнала «Киевлянин», оно должно было открывать первый его номер и служить своего рода программой. Основной идеей стихотворения комментаторы зачастую называют известные строки из «сопроводительного» письма Хомякова Максимовичу:

Пора Киеву отзываться русским языком и русской жизнью. Я уверен, что слово и мысль лучше завоевывают, чем сабля и порох; а Киев может действовать во многих отношениях сильнее Питера и Москвы. Он город пограничный между двумя стихиями, двумя просвещениями [Максимович: 14–15].

Однако стихотворная программа несколько шире эпистолярно-прозаической, доминанту в стихах задает ритмический энергичный Х4, в центре поэтического сюжета оказывается «сход», «собрание», всеславянское паломничество к «Иерусалиму земли русской»:

И теперь из стран далеких,
Из неведомых степей,
От полных рек глубоких —
Полк молящихся детей —
Мы вокруг своей святыни
Все с любовью собраны... и т. д.

Заметим, что написанный Хомяковым почти два десятилетия спустя «Вход Господень в Иерусалим» (1858) воспроизводит тот же ритмический рисунок, с сопутствующим движению Х4:

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Из ворот Иерусалима
Шла народная волна.

³ Цит. по: [Забудова: 121].

Галилейская дорога
 Оглашалась торжеством:
 «Ты идешь во имя Бога,
 Ты идешь в Свой царский дом!..».

Если здесь уместно говорить о т. н. «семантическом ореоле», то, кажется, перед нами не только и не столько восходящие к Пушкину и Ф. Глинке «городские хорей»⁴. В этой «здравнице», скорее, ощущается «песенный» хорей, и о нем применительно к «Киеву» упоминал М. А. Гаспаров. Но, прежде всего, в стихах об Иерусалиме и в стихах о Киеве Хомяков обращался к «высокому» Х4, который был связан с традицией духовной поэзии и которым перелагались псалмы⁵.

Говоря о механизмах канонизации текста, в случае Хомякова необходимо вспомнить об огромном количестве духовных сборников, церковных календарей и прочей массовой продукции этого рода, где хомяковские «гимны», а также «Киев» и «Вход Господень в Иерусалим» воспроизводились с той же, если не с большей интенсивностью, что и в школьных хрестоматиях⁶.

Не менее очевидно, что школьная канонизация хомяковского «Киева» в немалой степени связана с историей его публикации. Попечитель Киевского учебного округа, глава местного цензурного комитета кн. С. И. Давыдов усмотрел в нескольких строфах сомнительные внешнеполитические «намекы» и предпочел перестраховаться:

Хотя в этом стихотворении нет ничего такого, чего бы по смыслу цензурного устава нельзя было бы одобрить к печатанию, но как сочинитель в строфах 11 и 13 намекает на часть древней России, отошедшую к Австрийской империи, и в конце стихотворения обнаруживает надежду, что жители этой страны опять соединятся с нами, то цензурный комитет, не имея возможности судить о политических отношениях России, признает нужным представить это стихотворение на усмотрение Вашего высокопревосходительства, —

⁴ При том, что прежде Хомяков замечательным образом применял этот хорейский зачин в «Острове» («Остров пышный, остров чудный...»), создав утопический образ страны, соединившей в себе Москву и Петербург, идеалы консерватизма и западного просвещения, невероятное соединение Англии и России.

⁵ М. А. Гаспаров, говоря о «перестройке» Х4 в первой половине XIX в., упомянул о его «духовной традиции», которая дает себя знать в пушкинских «Бесах» или «Дар напрасный, дар случайный», но при этом, кажется, напрасно проигнорировал опыт Хомякова, относя 4-ст. хорей того же «Киева» к влиянию народной песни, и, в конечном итоге, сделал вывод о «прекращении жанра духовных од и гимнов» [Гаспаров: 114–115].

⁶ Характерно, что и киевские, и иерусалимские стихи сейчас более всего тиражируются именно на паломнических сайтах (см., напр.: palomnic.org/poet/rus_class/19_v/homyakov/).

писал он министру просвещения С. С. Уварову 9.12.1840⁷.

Речь идет о следующих строфах:

Мы вокруг своей святыни
 Все с любовью собраны...
 Братцы, где ж сыны Волыни?
 Галич, где твои сыны?

 Горе, горе! их спалили
 Польши дикие костры;
 Их сманили, их пленили
 Польши шумные пиры.

 Меч и лезвье, обман и пламя
 Их похитили у нас;
 Их ведет чужое знамя,
 Ими правит чуждый глас.

Пробудися, Киев, снова!
 Падших чад своих зови!
 Сладок глас отца родного,
 Зов моленья и любви.

 И отгорженные дети,
 Лишь услышат твой призыв,
 Разорвав коварства сети,
 Знамя чуждое забыв,

 Снова, как во время оно,
 Успокоиться придут
 На твое святое лоно,
 В твой родительский приют.

В конечном счете, стихотворение Хомякова без «сомнительных» стрóf явилось лишь во втором номере «Киевлянина» (1841), а в первом номере на месте хомяковской «программы» оказался пространный опус Бенедиктова, более традиционный и официозный. В центре бенедиктовской «здравицы» — не всеславянское паломничество, но крещение, «днепровская купель»⁸. М. Погодин успел попенять редактору: «Да кто тебя угораздил бенедиктовскую нотабенку сунуть в общество святых угодников печерских» [Барсуков: V, 462]. Так или иначе, стихотворение Бенедиктова тоже

⁷ Цит. по: [Хомяков: 559]. Подробное описание цензурной истории «Киева» см. в комментарии Б. Ф. Егорова: [Там же: 558–560].

⁸ Это буквально совпадало с тогдашней официальной идеологией Киева — колыбели православия, подробнее об этом см.: [Булкина].

попадает в местный «городской канон», — оно неизбежно перепечатывается во всех как ранних, так и поздних киевских антологиях⁹.

Как бы то ни было, первый номер «Киевлянина» (1840) открывался эпиграфом из стихотворения Хомякова: «Слава, Киев многовечный...». В усеченном виде — лишь первые 7 строк — стихотворение появляется во втором номере (1841). Однако еще прежде — и эта полуанекдотическая история тоже представляет известный интерес с точки зрения рецептивной истории — хомяковский «Киев» появляется в «Маяке» (1841. Кн. 14. С. 17) за подписью «Э. И...о, воспитанник третьей гимназии, 24 декабря 1840 года». По всей видимости, это было привычным faux рас редакции. Текст «Киева» ходил в списках 10 и пользовался популярностью среди гимназистов. Публикация в «Маяке» была лишь следствием этой популярности. Трудно сказать, случайно или намеренно стихотворение было приписано «воспитаннику 3-й гимназии», но возникло скандальное недоразумение, Уваров сделал выговор попечителю Санкт-Петербургского учебного округа кн. М. А. Дондукову-Корсакову. Вероятно, ходили слухи, что Хомяков сам мог быть инициатором появления «Киева» в «Маяке», по крайней мере, поздним отголоском этих слухов стал комментарий составителя киевской антологии¹¹. Публикация в «Москвитянине» (1841. № 5) самой полной на тот момент версии текста была, по словам самого Хомякова, «протестом против “Маяка”»¹².

Итак, в течение года «Киев» разошелся в списках и в неполных версиях был опубликован в трех журналах (в Санкт-Петербурге — «Маяк», в Москве — «Москвитянин» и в Киеве — «Киевлянин»). В 1842-м в сокращенной версии «Киевлянина» он был перепечатан в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений» (Т. 34. С. 326).

⁹ В первой — журнальной редакции «Киев» Бенедиктова являет полиметрические строфы, при этом разностопные хорей здесь призваны имитировать ту самую «традицию народной песни», на которую указывал М. А. Гаспаров: бенедиктовские опыты 1839 года отсылают к «песням» Кольцова. Однако в поздней редакции, в сборнике 1856 года, Бенедиктов отказывается от экспериментов с «кольцовской» строфой, переписывает все стихотворение Х4, и именно в таком виде «Киев» стал транслироваться в поздних антологиях. Кажется все же, это «выпрямление» в сторону Х4 происходит не без влияния канонического уже на тот момент стихотворения Хомякова.

¹⁰ Ср. примечание в публикации «Москвитянина»: «“Киев” напечатан был в одном петербургском журнале по неправильному списку и под чужим именем. Полагаем, что это произошло по ошибке и недоразумению, и радуемся случаю представить это прекрасное стихотворение нашим читателям» [Москвитянин: 1841. № 5. С. 34].

¹¹ «Что это — подлог ли, или особый прием самого автора — не знаем» [Пономарев: 15].

¹² «Если хочешь, то напечатай “Киев”, если можно. Это будет протест против “Маяка” ...» [Хомяков: 559].

Еще одним свидетельством его исключительной популярности среди учащихся стало откровенно несамостоятельное стихотворение П. Холмова, опубликованное в «Журнале Министерства народного просвещения»¹³:

Киев, Киев златоглавый,
Пращур русских городов!
Одарен ты дивной славой,
Славой тысячи годов.

В век, неверьем омраченный
Патриархом ты восстал,
Голос свыше вдохновенный
Ты к народам простирал.

И пришли, смиреньем полны,
Люди дальних стран к тебе;
Погрузились телом в волны,
Вознеслись душой горе.

Ты сиял в величье новом
Как Креститель Иоанн.
Ты гремел небесным словом
В темных дебрях диких стран.

Тут замечателен начальный парафраз пушкинской цитаты из «Бородинской годовщины» («Наш Киев дряхлый, златоглавый, / Сей пращур русских городов, / Сроднит ли с буйною Варшавой / Святыню всех своих гробов?»), вводящий польскую тему и, в конечном счете, подхватывающий тот самый неподцензурный «смысл об унии», который сделался «камнем преткновения» в эдиционной истории этого стихотворения и о котором в свое время писал Погодину цензор А. Крылов¹⁴. Иными словами, «списочной» популярностью, судя по всему, пользовались те строфы, которые в свое время насторожили киевского цензора и не вошли в печатные версии «Маяка» и «Киевлянина».

К этому же «внешнеполитическому» смыслу хомяковского «Киева» отсылает известная тютчевская строфа из послания «К Ганке» (1841): «Рассветает над Варшавой, Киев очи отворил». Связь этих стихов с Хомяковым очевидна, она не только идеологическая и ассоциативная, но опять же — метрическая: все тот же Х4¹⁵.

¹³ ЖМНП. Труды воспитанников. 1844. Ч. 1. С. 6–7.

¹⁴ «... Смысл об унии никак нельзя открыто в журнале выразить» [Барсуков: VI, 60].

¹⁵ Не исключено, что из самой этой тютчевской цитаты произошло позднее каноническое определение «Киева-Вия».

Школярские хомяковские «парафразы» П. Холмова попадают в первую киевскую антологию и становятся там в ряд с подобными стихами А. Башилова («Здравствуй, Днепр широкошумный, / Православия купель; Здравствуй, Киев, старец думный, Древней Руси колыбель!»). Показателен также опыт киевского поэта Н. Арбузова, применившего хомяковскую идею «собираения под Киев» и расширившего сакраментальный «смысл об унии». С учетом злобы дня (стихи были написаны во время Крымской войны) Арбузов переменяет вектор: отныне Киев собирал под свои «лучи» «питомцев Византии»: «И чтобы по всей Византии / От глав возрожденной Софии / Раскинулись эти лучи»¹⁶.

В свете рецептивной истории хомяковского «Киева» характерно еще одно, достаточно позднее обращение к его паломническому сюжету. Именно его воспроизводит Маяковский в стихах 1924 года («Лапы елок, лапки, лапушки...»), но наполняет его иным смыслом: «мати городов» он превращает в бабушку, «молящиеся дети» становятся прапрадедами, и школьная хомяковская картина отодвигается на несколько поколений назад:

Шли
из мест
таких,
которых нету глуше, —
прадеды,
прапрадеды
и пра пра пра!.. [Маяковский: 10]

Маяковский неслучайно вспоминает здесь о «русофильстве»:

Даже чуть
зарусофильствовал
от этой шири!
Русофильство,
да другого сорта [Там же: 11].

В каком-то смысле — конечно, неосознанно — он перефразирует «киевскую программу» Хомякова из письма Максимовичу: «...слово и мысль лучше завоевывают, чем сабля и порох...» и т. д.

Наша сила —
правда,

¹⁶ Цит. по: [Пономарев: 32]. На «византийский вектор» стихов Арбузова обратил внимание М. Назаренко в статье об антологии Ст. Пономарева [Назаренко].

ваша —
 лаврьи звоны.

Ваша —
 дым кадильный,
 наша —
 фабрик дым.

Ваша мощь —
 червонец,
 наша —
 стяг червонный.

— Мы возьмем,
 займем
 и победим [Маяковский: 12].

Киево-иерусалимское паломничество, ставшее у Хомякова победным собиранием народов «под Киев», до известного момента было ключевым мотивом в городских киевских текстах. Но, кажется, стихотворение Маяковского стало одним из последних его парафразов: в XX веке киевская история стала ассоциироваться не с «сбором», но с исходом, с падением и гибелью Города.

Упоминание Хомякова в статье Г. П. Федотова «Три столицы» (1926) характерно, кроме всего прочего, еще и тем, что завершает определенный этап «киевской литературы». В следующую эпоху паломнический сюжет и самое имя Хомякова уходят из городских текстов. Лишь с начала 1990-х Хомяков возвращается в паломнические издания и путеводители, что же до киевских стихов, то, судя по последним антологиям, самым влиятельным «киевским» поэтом XX века стал Пастернак. Между тем, Федотов в той давней статье досадовал, что «новая русская литература прошла совершенно мимо Киева. Ничего, кроме «Печерских антиков» да слабого стихотворения Хомякова» [Федотов: 160]. Здесь показательно не то, что автор не знал другой «литературы о Киеве», но то, что помнил лишь о Лескове и «слабом стихотворении Хомякова».

Само по себе определение — «слабое стихотворение Хомякова» — также заслуживает внимания в контексте рецептивной истории. Здесь мы должны обратиться к «парадоксам» поэтической репутации. Хомяков, в самом деле, был одновременно «поэтом кружка» и пользовался широкой «списочной» популярностью. Подобно Тютчеву, он не заботился об издании своих стихотворений, первый его сборник («24 стихотворения») был составлен Д. А. Валуевым в 1844-м и стал поводом для разгромной статьи Белинского, определившей, в конечном счете, репутацию «плохого

поэта», автора «слабых стихов». Белинский был исключительно сильным и влиятельным «канонизатором», его репутационные приговоры усваивались на десятилетия вперед, не устаревали и не забывались, даже становясь предметом «отложенных» полемик (как в случае с Хомяковым, чью репутацию пытались пересмотреть в начале 1860-х и затем в первых десятилетиях XX века). В этом смысле характерен первый же «парадокс Хомякова», который приводит современный исследователь в одноименной книге [Кошелев: 36]. Речь идет о пародии Козьмы Пруткова на стихотворение «К иностранке». В. Кошелев напоминает, что пародия явилась спустя десять лет после того, как Белинский предрек Хомякову скорое забвение, и едва ли не за 10 лет до выхода первого настоящего собрания его стихотворений в 1861 году. Для Кошелева эта пародия — свидетельство популярности Хомякова, между тем автор (В. М. Жемчужников) выбирает для пародии именно то стихотворение, которое разбирал Белинский и фактически пересказывает этот разбор. В конце концов, коль скоро пародия — один из инструментов канонизации, то Белинский способствовал канонизации Хомякова в той же степени, что и восторженные переписчики и подражатели хомяковских «энциклик».

Главный приговор, который вынес Хомякову Белинский и который не оспаривали даже такие защитники его, как Аполлон Григорьев и Н. А. Бердяев: Хомяков — «головной поэт», поэт не мысли даже, но идеи. Белинский полагал Хомякова звонким «фразером» и «жонглером-диалектиком» [Белинский: 199] (ср. позже у Герцена: «закалившийся старый бретер диалектики» [Герцен: II, 144]). Впрочем, и сам Хомяков, противопоставляя себя тому же Тютчеву, признавал: «Мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозаитор всегда проглядывает, и следовательно должен наконец задушить стихотворца» [Хомяков: 47].

Фактически, речь идет о том главном свойстве стихов Хомякова, к которому применимо известное определение «Общины русской публицист» (Д. Н. Свербеев). Кажется, именно это свойство — публицистичность и «воинственность»¹⁷ делало стихи «кружкового поэта» массовым неподцензурным чтением. В «Киеве», прежде всего, улавливался его провокативный и неподцензурный «внешнеполитический» смысл. Что же до более поздней, школьно-хрестоматийной и паломнической популярности,

¹⁷ «Боец без усталости и отдыха, он бил и колол, нападал и преследовал, осыпал остротами и цитатами, пугал и заводил в лес, откуда без молитвы выйти нельзя» [Герцен: II, 144]. «Воинственность — характерная черта Хомякова. Черта эта сказалась в том, что его часто тянуло на войну и в воинственной манере писать, и в любви к диалектическим боям. <...> Стихи его почти исключительно воинственны» [Бердяев: 47].

то, кажется, и здесь воинственная риторика хомяковского «Киева» выдвигала его на первые позиции, оставляя позади «духовные пейзажи» И. Козлова. В этом смысле характерно, что в «советском каноне» киевских текстов место Хомякова занял Рылеев со столь же «публицистичной», хотя и ванитативной риторикой киевского отрывка из незаконченной поэмы «Наливайко» («Едва возникнувший из праха...»). Сложно сказать, до какой степени для советских популяризаторов оставался актуальным «смысл об унии», но очевидно, что их привлекал все тот же «воинственный» посыл.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892.
- Белинский: *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1981. Т. 7.
- Бенедиктов: *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983.
- Бердяев: *Бердяев Н.* Собрание сочинений. Париж, 1997. Т. 5.
- Булкина: *Булкина И. С.* Политика Николая I в Юго-Западном крае и учреждение Университета Св. Владимира // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII (Новая серия). Тарту, 2009.
- Гаспаров: *Гаспаров М. А.* Очерк истории русского стиха. М., 1984.
- Герцен: *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1957.
- Забудова: *Забудова Києва доби класичного капіталізму, або Коли і як місто стало європейським.* Київ, 2012.
- Кошелев: *Кошелев В. А.* Парадоксы Хомякова. М., 2012.
- Максимович: *Максимович М. А.* Письма о Киеве. М., 1869.
- Маяковский: *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955–1961. Т. 6 (1957).
- Москвитянин: *Москвитянин: учено-литературный журнал.*
- Назаренко: *Назаренко М. И.* Альбом С. И. Пономарева «Киев в русской поэзии»: <http://nevmenandr.net/nazarenko/kyev.php>
- Пономарев: *Киев в русской поэзии / Сост. Ст. Пономарев.* Киев, 1878.
- Федотов: *Федотов Г. П.* Три столицы // Версты. Париж, 1926. № 1.
- Хомяков: *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969.
- Шафранов: *Русская хрестоматия для употребления в училищах прибалтийских губерний / Сост. С. Шафранов, И. Николич.* Ревель, 1860. Ч. 1–2.